

Нина Инякина

АВТОГРАФЫ, АВТОГРАФЫ...

Кемерово, 2015-2017

Нина Инякина. АВТОГРАФЫ, АВТОГРАФЫ... – Кемерово, 2015-2017. Изд. второе: испр. и доп. – 29 с.: ил.

Составление и оформление, литературная редакция и корректура – авторские.

АВТОГРАФЫ, АВТОГРАФЫ...

В моей домашней библиотеке есть немало книг, подаренных мне (или выпрошенных мною у отдельных авторов) с автографами на память. По-разному попали они ко мне. И мне захотелось поделиться своими мыслями по этому поводу.

На мой взгляд, автографы пишутся по-разному. Кто-то делает это привычно, не задумываясь особенно о том, что пишет и для кого. Кто-то, наоборот, – прежде чем сделать надпись, думает, взвешивает, тщательно подбирает единственно нужные и подходящие для этого случая слова. Не секрет, что по автографу сразу можно судить о человеке, его написавшем.

Расскажу о некоторых книгах и об их авторах. Может быть, в юбилейный для кузбасского писательства год – 2017-й – год 55-летия со дня образования в Кузбассе регионального отделения Союза писателей России, как и в бывший в 2015-м году Год литературы, мои записки кому-нибудь покажутся интересными.

Нина Инякина. Г. Кемерово.

Начну издалека. С книг, подаренных отцом маме и мне.

Мне до сих пор часто снится один и тот же сон: из почтового ящика прямо в руки «плывёт» увесистый конверт с... очередной папиной книжкой. По традиции КАЖДУЮ только что выпущенную поэтическую книжку папа имел обыкновение дарить нам с мамой в двух экземплярах – ей и мне. Всегда делал надписи на память. Ей и мне – разные, строго индивидуальные. Меня это возвышало в собственных глазах! Надписи короткие, тёплые и сердечные. Одна беда: не все книжки сохранились. Несколько, подписанных мне (ведь второй, мамин экземпляр, остаётся у меня), я подарила своей старшей внучке: пусть будет у неё память о прадеде и бабушке, то есть обо мне! Пусть знает, что она – потомок поэта Михаила Небогатова, пусть знает его и его поэзию, а может, со временем, и полюбит его, как я.

Наверняка, и самая первая книжка – «Солнечные дни», 1952 года, была с надписью на память. Увы! Обе книжки варварски испорчены мною, тогда ещё ребёнком: вырваны, как говорят, «с мясом» первые листочки, где и были эти надписи. Наверно, мама меня наказала в своё время за это, а может, и нет (я не помню). Она-то понимала, что я сделала это от обиды и из чувства детской ревности: у папы подрастало трое ребятишек... Да что тут долго объяснять: это поймёт любой, кто рос без отца, точно зная, что он есть, зная, кто он и что он.

А вот несколько других книжек – «Родные просёлки» (1963), «Майский снег» (1966), «Свет в окне» (1969) и «Лето» (1981) есть, сохранились. К ним я уже относилась тогда (и теперь) бережно. Нет-нет да открываю эти книжки и читаю.

Маме: «Тоне Диденковой с самыми наилучшими пожеланиями». Подпись. Дата: 12/XI-63 г. («Родные просёлки»). (Фамилию мамы отец написал не совсем точно. Она была Деденковой. Ну, да он этого не знал. Написал, как слышалось. – Примечание Н. Инякиной, далее: **Прим. Н. И.**); «Тоне, человеку доброй, отзывчивой души». Подпись. Дата: 29/IV-66 г. («Майский снег»); «Тоне, с самыми

добрыми чувствами, в память о нашей молодости. Миша. 1 октября 81 г.» («Лето»).

Мне: «Дорогой Нине мой сердечный подарок к Маю. Папа». Дата: 29/IV-66 г. («Майский снег»); «Дорогая Нина! Рад преподнести тебе и твоим домашним этот мой новогодний подарок. С наилучшими пожеланиями. Папа. 30 декабря 69 г.» («Свет в окне»).

Помню, что, получив дорогой подарок, мама всегда звонила отцу и благодарила его. А мы с ней потом читали стихи, делились впечатлениями: какое понравилось больше других, какое меньше, иногда (чаще всего) наши оценки совпадали. И мы (неумышленно, конечно) состязались потом, кто и каких стихов больше запомнил, почти выучил наизусть.

Много лет спустя, начав (уже без мамы) работу с творческим наследием отца, читая знакомые строки, удивлялась: оказывается, как же много стихов помню наизусть, ну, или хотя бы, могу процитировать следующие за прочитанными (начальными) строчками...

А одну мою статью о папином творчестве мама увидела незадолго до своего ухода из жизни и даже высказала своё мнение, которое обычно было односложным: если что-то у меня получалось, на её взгляд, удачно, она произносила лишь одно: «Недурно!» Это я о статье – отклике на только что вышедшую из печати книжку «Времени река» (1991 года) в газете «Родник сибирский» под названием «Обидно мне за простоту...» (№ 13, октябрь, 1993-й год, с. 2).

Когда я засела за написание статьи, и черновик был готов, мама робко спросила: «Дашь почитать, прежде чем отнесёшь в газету?». Конечно же, я дала ей свой рукописный вариант. Мне всегда было важно мамино мнение. Оно, порой, помимо моих собственных оценок, было решающим. У мамы был тонкий вкус слова, и она всегда могла отличить хорошую, добротную вещь от поделки-однодневки. В своих оценках редко ошибалась. И я это очень ценила. Прочитав мою заготовку, мама произнесла своё традиционное: «Недурно!», что и было, в моём понимании, наивысшей одобрительной оценкой.

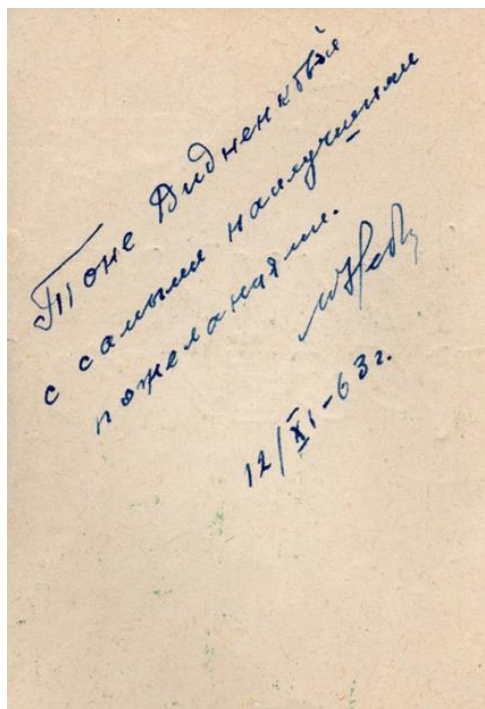
Я знала, что отец ещё сам успел поработать над составлением этой книги, вот только увидеть её ему уже не пришлось. Доводила книгу до конца его вдова – Мария Ивановна. Книга меня потрясла! Впервые вместе со стихами были обнародованы отцовские дневниковые записи разных лет, которые многое объясняли и в его жизни, и в творчестве. Становилось понятно, как возникали стихи либо их замысел, в какой обстановке жил и творил поэт. Если раньше я была убеждена, что «за стихотворными строчками», как я сама однажды выразилась, «проступает облик пишущего», то теперь я увидела его ещё и как просто человека – живого, настоящего, такого же, как все, без ореола и нимба, которые невольно на него примеряла. Увидела и... поняла, приняла... и простила.

Помню и звонок, последовавший от Марии Ивановны, прочитавшей эту мою статью: «Ниночка! Спасибо Вам за материал. Вы поняли в папе главное – его доброту!» Я недоумевала, как, откуда она узнала, что Окунева Н. – это я? (Я сменила фамилию отца на другую, выйдя замуж). Растерявшись, ответила ей примерно следующее: «Спасибо за оценку, конечно, но писала я не как дочь, а как простой читатель, почитатель таланта поэта Небогатова». И в самом деле, нигде, ни одним словом

я не подчеркнула нашего родства. Не посчитала для себя этичным делать это. Совсем иначе воспринимаю я теперь, по прочтении отцовских дневников, с которыми довелось познакомиться в прошлом году (они хранятся в личном фонде М. А. Небогатова, сданном в 2000-м году Светланой, дочерью папы, в областной краеведческий музей), и надпись на книжке «Лето», адресованную моей маме. Книжка вышла в канун 60-летия Небогатова. Многие с высоты возраста оценивались им иначе, чем в молодости. И надпись «...в память о нашей молодости» – тому свидетельство.

Это может показаться странным, но именно после работы в музее и в государственном архиве Кемеровской области с документами отца я другими глазами вижу его, по-новому воспринимаю и оцениваю его жизнь, их с мамой расставание. Потому и родился замысел написать книгу о нём под названием «ТАКОЙ, КАК ЕСТЬ...», чтобы это моё новое видение и понимание сделать достоянием читающих земляков. (Книга была составлена. Теперь её можно почитать на электронной литературной карте областной научной библиотеки имени В. Д. Фёдорва). Хотелось, как говорится, «снять хрестоматийный глянец» с отца и показать его таким, каким он был на самом деле – человеком, с рождения одарённым поэтическим талантом, всю жизнь работавшим над собой, шаг за шагом поднимавшимся по крутым ступеням к вершинам поэтического мастерства. Про таких говорят: сэлф мэйд мэн (русифицированный вариант английского выражения «человек, сделавший себя сам»). Отец – абсолютный самоучка, за что ему – низжайший поклон! Так, как он любил Поэзию, редко кто её любит. И редко кто добивается больших результатов. То, что он был членом Союза писателей СССР (РСФСР), поэтом, признанным не только у себя на Родине, в Кузбассе, – говорит само за себя.

Вот они, немногие, но дорогие сердцу папины автографы:

МИХАИЛ
НЕБОГАТОВ

Майский СНЕЗ

*Тюхе,
с любовью дочкой,
отзывчивой души,
мой подарок к маме.*

29/IV-66г. М. Федя

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966

МИХАИЛ
НЕБОГАТОВ

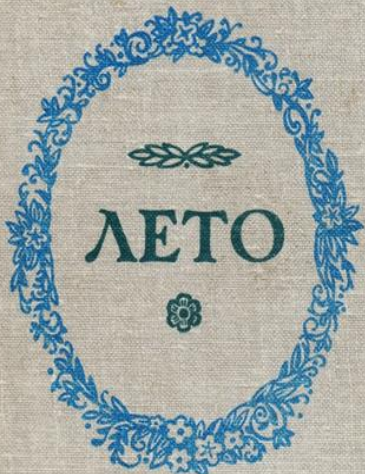
Майский СНЕЗ

*Дорогой
Тюхе
мой сердечный
подарок к маме.
Тюхе.*

29/IV-66г.

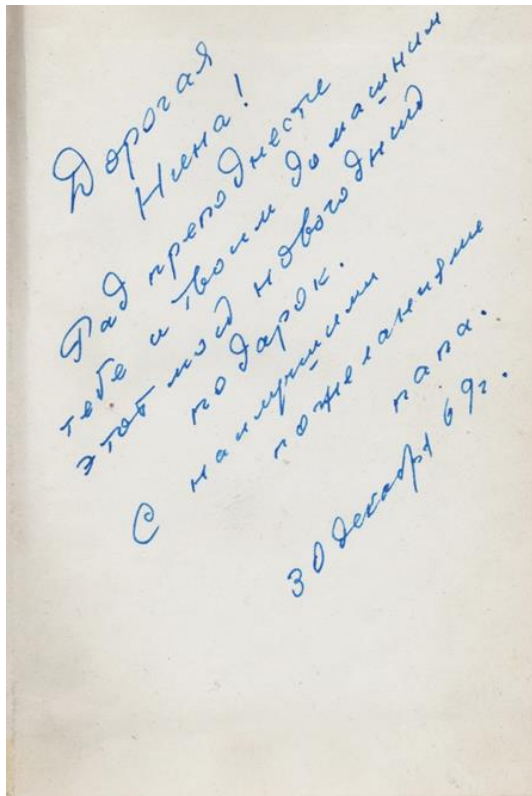
КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966

МИХАИЛ
НЕБОГАТОВ

*Тюхе
с самыми добрыми
чувствами,
в память о нашей
молодости.*

*Маша.
1 октября 1966г.*

А теперь о других автографах и о людях, оставивших свои дарственные надписи мне на память...

Борис Бурмистров.

Ещё в 2006 году, в юбилейный для отца год – год его 85-летия я осмелела и стала чаще появляться в Доме литераторов (раньше – Союзе писателей) на Советском, 40. Причиной послужил печальный повод – в апреле трагически погибли дети Небожатова Светлана и Владимир. Со Светой мы были не только знакомы, но и дружны. Не часто виделись, но если встречались, то с радостью и заинтересованностью друг в друге. От неё я узнавала новости в её жизни, сама делилась своими проблемами. Мы были в курсе как своих дел, так и наших детей: у меня сын Павел, у неё – два парня, Миша и Вова. Рассказывали друг другу и о своих любимых мамах – о моей, Антонине Ивановне, и её – Марии Ивановне. Словом, относились друг к другу, как настоящие сёстры. И вот – страшное известие... Сразу почувствовала себя осиротевшей. Саша – наш брат – был далеко, в Хабаровске. И у меня в душе зародилось желание – продолжить начатое Светой (она по профессии журналистка) дело по продвижению творческого наследия нашего отца. При жизни Светы я долгие годы занималась изучением жизни и творчества папы, но тихо, по-домашнему, никуда особенно не высовываясь со своими мыслями и оценками, никому не навязываясь. Исключение составила лишь та самая статья в «Роднике сибирском». А тут представился случай чуть громче заявить о себе: вышла в свет та самая книга Светланы, которую она успела-таки подготовить к печати, но увидеть её изданной ей уже не довелось.

Заполучив книгу «Михаил Небогатов. ПОЭТ. Дневниковые записи разных лет», «проглотив» её в считанные дни, я моментально откликнулась на её выход в свет, и не нашла ничего лучше, как... отнести свой отклик напрямую в Союз писателей, председателю Правления писательской организации Борису Васильевичу Бурмистрову. Представилась ему, услышав в ответ: «Да, вы очень похожи и с Михаилом Александровичем, и со Светланой», и предложила свой материал. Ознакомиться. А если понравится, то поспособствовать его опубликованию. Борис Васильевич прочитал отклик при мне и отозвался одобрительно. Только добавил при этом: может быть, немного сократим текст и название дадим другое, на что я отреагировала мгновенно: делайте, как считаете нужным, лишь не в ущерб содержанию. В общем-то, я со словом работаю не первый год, и каждое слово на тысячу раз выверяю. Было это 16 октября. Публикации пришлось ждать долго. Но каково же было моё удивление, когда 29 декабря в газете «Кузбасс» на вкладке «Круг чтения» я увидела свою статью, занявшую всю полосу! Название, правда, сменили: у меня было «Спасибо тебе, сестрёнка!», а стало – строчкой папиного стихотворения – «Моим открытиям нет предела...». Дали портрет отца, рисунок Валерия Илиндеева и небольшую подборку стихов, ну, и сократили немного, в целом, однако, не нарушив содержания. В верхнем углу полосы увидела портрет её ведущего – Василия Попка. В душе порадовалась, что слово, данное мне, Борис Васильевич сдержал. Публикация состоялась!

Это было первым толчком к развитию и налаживанию наших (с писателями) отношений. Время от времени я появлялась в Доме литераторов с новыми своими идеями и замыслами, а то и с готовой, «штучным тиражом» выпущенной продукцией, касающейся отца и его творчества. То книжки, то газетные статьи приносила в дар писателям. Видимо, делала это уже заметно, и меня, как мне показалось, принимали уже не как чужака. Отрадно, что в 2011 году меня пригласили в Кемеровский государственный университет на кафедру филологии вместе с поэтами Сергеем Донбаем, Александром Катковым, Иосифом Кураловым и, естественно, Борисом Бурмистровым на студенческие небогатовские чтения по случаю 90-летия со дня рождения поэта, журналиста и книгоиздателя. Мероприятие провели в день рождения отца – 5-го октября. Хорошо подготовились студенты во главе с Галиной Ивановной Карповой, кандидатом филологических наук, доцентом кафедры русской литературы XX века: во время выступлений гостей – поэтов, знавших Михаила Александровича, работавших с ним, и моего (мне тоже давали слово) на большом экране шли в режиме «нон-стоп» кадры презентации, сделанной к этому мероприятию. Там были и фотографии стихотворных сборников, и фрагменты стихов, и фотографии отца и членов его семьи. Приятно было мне увидеть и мои гурьевские (от 27 сентября) снимки отцовского дома в том переулке, где прошло его детство (переулок Свободы, дом № 3). Я побывала там вместе с журналистом газеты «Кузбасс» Сергеем Спицыным по его приглашению, на которое с радостью откликнулась. (Кстати, результатом нашей поездки на малую родину Небогатова стали: статья Сергея в газете «Кузбасс» от 8 октября под названием «Славит жизнь его строка» и мой очерк, который позже лёг в основу второго выпуска книжек из серии «Чтобы знали и помнили...», под названием «И солнца луч струит свой свет в окно...», или Обращение к истокам. Возвращение». А ещё состоялось

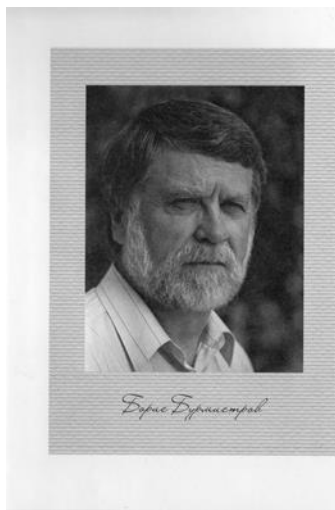
очень приятное для меня знакомство с папиным земляком – поэтом Дмитрием Петровичем Клёстовым, о котором отец неоднократно и всякий раз одобрительно писал в своих обзорных статьях в рубрике «ФМЛ». (Но об этом – чуть позже).

Вот с этого момента, как мне кажется, у нас окрепли отношения с писателями. И это, теперь уже почти десятилетнее, знакомство и дало повод сотрудничать более тесно. Уже не в одиночку, а вместе с Домом литераторов, при его поддержке и одобрении, стало для меня возможным подготовить и издать, правда, пока одну из трилогии «Известный неизвестный Небогатов», но всё же важную книгу о творчестве отца – «От ученичества к творчеству. ФМЛ». Это о большом по продолжительности во времени и значению деле отца – его рубрике в газете «Комсомолец Кузбасса», которую он вёл на протяжении четверти века, под названием «Факультет молодого литератора». Эта рубрика была очень популярна в своё время среди молодых, начинающих стихотворцев. Михаил Александрович получал обширную поэтическую почту и делал обзоры творчества начинающих. К слову сказать, многие из тех, о ком он отзывался положительно, не обманули его надежд и ожиданий – стали профессиональными поэтами. Значит, сумел он разглядеть способности и талант, вовремя дав напутствие в большую Поэзию. Почитайте эту книгу! Там нет ни одного случайного слова, как практически и нет повторов ранее сказанного. Уже по названиям можно судить, как ответственно, с полной отдачей, подходил Небогатов к выполнению своей миссии наставника, учителя, критика. Я и сегодня с уверенностью могу сказать, что среди тех, кому отец отвечал на письма и обращения за советом, нет (да и не могло быть), по большому счёту, обиженных. Ведь отец делал свои замечания очень деликатно, не унижая и не оскорбляя. Хотя кое-кому приходилось ему отвечать и порезче, и пожёстче, поскольку речь шла о серьёзном занятии литературным трудом, а не просто об увлечении.

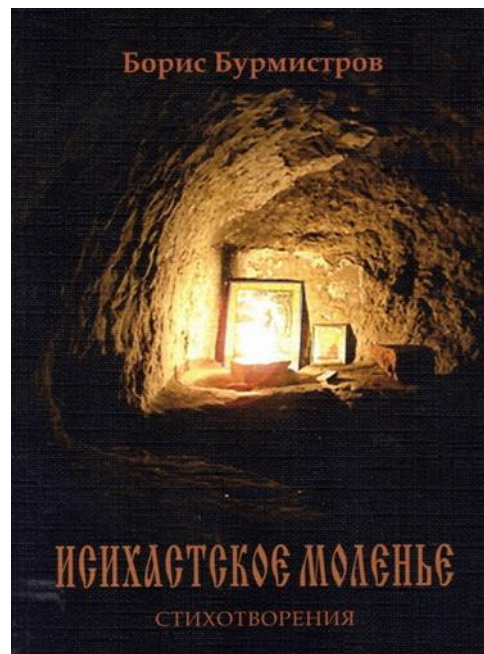
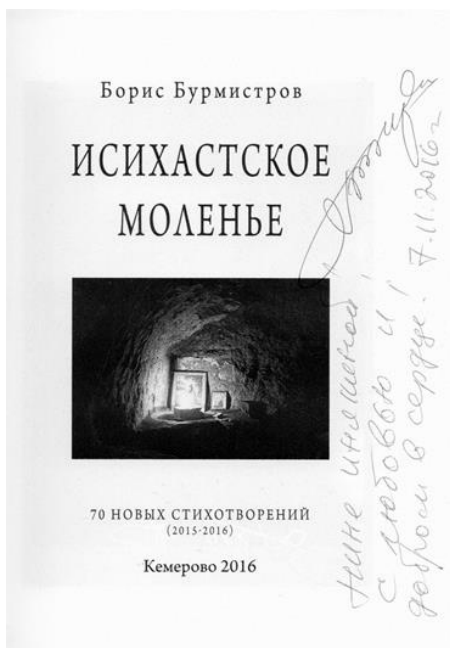
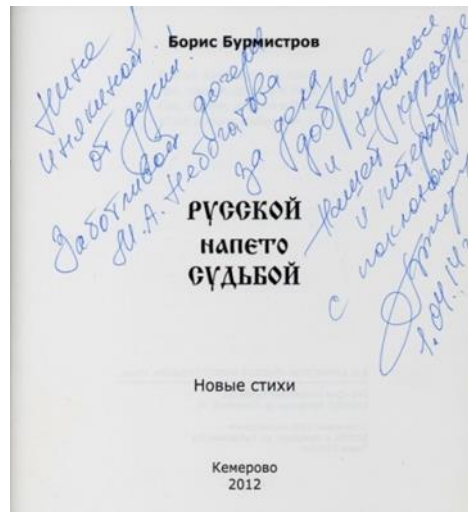
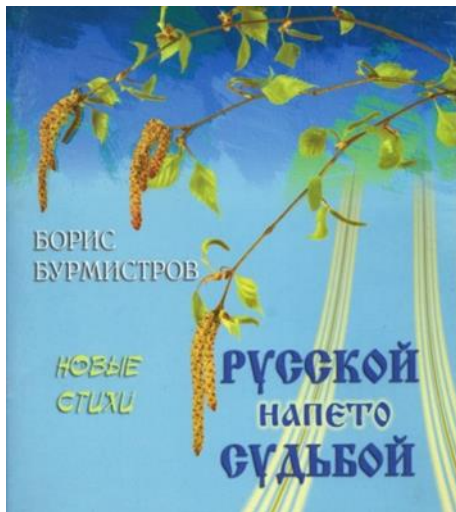
Удивительно, но я не обнаружила ни одной статьи, которую отец написал бы конкретно о Борисе Бурмистрове, например, хотя, по его словам, и он имел когда-то и отклик, и оценку Небогатова. Это не помешало нам обменяться с Борисом Васильевичем нашими книгами. Одну он подарил мне сам, другую я выпросила с условием, что он сделает какую-нибудь надпись на память. И вот теперь частенько открываю эти книжки, читаю надписи, а потом углубляюсь в чтение стихов. Иногда, по настроению, читаю всё подряд, иногда – наугад открыв какую-то случайную страницу. Стихи Бориса мне нравятся за их краткость, глубину мысли и искренность. За его умение сказать то, что и я чувствую, да выразить так, как он, не могу и не умею. Многие в его стихах созвучно моим мыслям и чувствам, моим представлениям о жизни.

Радует ещё одно обстоятельство: я смогла познакомить его со своей талантливой, как я её называю, «литературной подругой» и её самобытным творчеством. А совсем недавно при поддержке Дома литераторов у неё (зовут её Тереза Владимировна Щербинина) вышла в свет книжка стихов «В проталинках сердца» с предисловием Анатолия Павловича Иленко. Убедена, что не только среди членов Союза писателей имеются талантливые, самобытные авторы. Надо только вовремя разглядеть их и, если потребуется, протянуть руку помощи.

А надписи Бориса Васильевича на книжках сейчас покажу. Вот они:

Борис Бурмистров

Понятно, что никаких других чувств, кроме благодарности и уважения к автору, я испытывать не могу...

У читающего эти заметки, наверняка, возникает вопрос: а какое из стихотворений Вам наиболее близко? Отвечу: мне по душе вот это (прошу простить невольную тавтологию):

Душа, напомни о себе,
Как Солнце после долгой ночи,
Как Свет в зашторенной судьбе,
Как Слово после многоточий...

Как Лик святой на полотне,
Среди других неповторимый,
Душа, напомни обо мне –
Моей единственной, любимой.

Душа, на зов мой отзовись,
Меня, заблудшего, вдруг вспомни,
И прикоснись, и прикоснись
К немым устам и ...Слово молви!

А в книжке «Русской напето судьбой» – вот это – абсолютно «моё»:

Не хмурь печально брови,
Недоброе узрев.
Замри на полуслове,
Останови свой гнев.

Замри на полуслове,
Задумайся сперва.
До боли и до крови
Бьют иногда слова.

Так мир устроен, видно,
Не знаешь, как начать –
И не сказать обидно,
И трудно промолчать.

Но всё-таки, но всё же
Я с детства заучил –
Добро добром лишь множат,
Злой укрощая пыл.

Тут и добавить нечего: всё сказано. И как сказано?!

В последней из подаренных книжек я бы выбрала вот это стихотворение:

В мире всё неповторимо –
Каждый день и каждый миг.
Поездов, летящих мимо,
То ли вопль, то ли крик.

В мире всё неповторимо –
То, что было до меня.
А душа неотделима
От сегодняшнего дня.

В мире всё неповторимо –
Жизнь, как бурная река.
И плывут куда-то мимо
Кучевые облака... («Исихастское моление», с. 35).

Геннадий Юров.

Работая в библиотеке Дома политического просвещения заведующей читальным залом, имела счастливую возможность встречаться с интересными людьми, которых мы приглашали на заседания нашего КЛК (Клуба любителей книги). Очень хорошо помню одну встречу, инициатором которой был Валерий Андреевич Плющев, наш «президент». Он обозначил тему: «Автографы, дарственные надписи в Вашей домашней библиотеке» (не это ли давнее памятное мероприятие и стало толчком к тому, чтобы много лет спустя я озаботилась написанием вот этих заметок?). Предполагалось, что у каждого дома найдётся пара-тройка (а у кого-то – не один десяток) книг, особенно дорогих их владельцу. Я тогда впервые, со слезами на глазах и в голосе, публично рассказала (и показала их) о книгах отца, которыми дорожу. Это было трудно, потому что к тому моменту не так давно отца не стало. Боль утраты ещё не прошла, рана не затянулась. Впрочем, меня все поняли правильно.

Естественно, больше других и гораздо интереснее, занимательнее говорил сам организатор встречи-беседы. Слушать его всегда было великой радостью. Было ощущение, что мы прикоснулись к свежей струе из родника – чистого, незамутнённого. Но «гвоздём» вечера был всё-таки не Валерий Андреевич – книгочей и библиофил, каких мало. На вечере присутствовал, а потом и прекрасно выступал поэт, которого я знала только по имени, но не как человека, – Геннадий Евлампиевич Юров. Единственное, что придало мне сил обратиться к нему в конце беседы за его малюсенькой книжечкой «Товарищеский круг» – это была недавняя публикация им моей статьи в «Роднике сибирском» об отце. Я подошла к нему, едва слышно представилась, как автор той самой публикации, и напомнила ему краткую предысторию: моя подруга, бывшая коллега по обкому комсомола Людмила Чех (в комсомоле она как раз и работала с творческой молодёжью, в том числе, с писателями, и именно при её непосредственном участии создавалось «Притомье» – литературная студия, название которой и придумал Геннадий Юров, и был первым её

руководителем. – **Н. И.**) работала как раз в этой газете. И именно она настояла на том, чтобы подготовленную для публикации статью я отдала в их газету – для меня новую (я-то знала только «Кузбасс» да «Комсомолец Кузбасса»). Она, Людмила, сказала Геннадию Евлампиевичу, что просит «ничего не править – это писала дочь Небогатова!» И «фотографию», которую я дала в качестве иллюстрации статьи – «единственную!» (что абсолютная правда) «вернуть автору». Геннадий Евлампиевич согласился и так и сделал. Статья вышла без единой правки, фотографию мне вернули, а потом, когда на редакционной летучке подводились итоги за какой-то промежуток времени, по словам Людмилы, мой материал «был признан лучшим». Мне это запомнилось на всю жизнь! И приятно, и очень ответственно...

Так вот, представившись, я попросила Юрова сделать мне какую-нибудь памятную надпись на его книжке. Он, посмотрев через плечо на меня, задумался на секунду и решительно написал: «Будь счастлива, сестрёнка!» Меня это тронуло до глубины души. И вот тут – самое печальное: эту брошюрку я давала кому-то почитать, и она ко мне уже ...не вернулась. Жалко и досадно по сей день! Тем более, что другие книжки Юрова в домашней библиотеке, конечно, были – и «Песня о городе», и «Река родная», и «Какого цвета Томь-река», а книжек с новыми стихами, увы, не было. Книжки из этой серии «Русская сибирская поэзия» других авторов у меня, благодаря той же Людмиле, были все. Сегодня, правда, от них тоже остались немногие – тысячу раз зарекалась НИЧЕГО и НИКОМУ НЕ ДАВАТЬ ЧИТАТЬ из личной библиотеки (для этого есть библиотеки и книжные магазины), вот и осталась «у разбитого корыта». Так же, как и юровская, «ушла» безвозвратно книжка Бориса Бурмистрова «Поклонись земле русской», а книжку Владимира Ширяева «Времечко желанное» из этой же серии я сама подарила второй своей литературной подруге Галине Мединой, потому что стала обладательницей толстенной книги «Расскажу без прикрас», подготовленной к изданию вдовой Владимира Раисой Максимовной Чекалдиной, в которую вошла и та книжка, «Времечко желанное», и проза, и другие стихи её покойного мужа. Словом, что теперь горевать – книг-то не вернёшь! На одной из оставшихся, которые берегу как зеницу ока, – на сборничке «Проснись у меня на плече!» Сергея Донбая я-таки «выходила» его автограф (об этом – отдельно). А на остальных, к сожалению, уже никто, никогда и ничего не напишет мне. Вот разве что только Володя Иванов сделает мне как-нибудь надпись на своей «Глубинке». Очень на это надеюсь и постараюсь не потерять. Ни в коем случае! Есть, однако, и тут небольшое «но»: на этой книжке из личной библиотеки Людмилы Чех уже есть автограф Володи, адресованный... «Валентину Васильевичу (понятно, Махалову – **Н. И.**) – с душевной привязанностью. Подпись. Марьевка, 19 августа 1995 года». Ясно и то, что это – с очередных Фёдоровских чтений, которые проводятся в Марьевке с 1985 года. Вот такая горькая, с одной стороны, история с автографом. А с другой – радостная: ведь это было в моей жизни! И хочется закончить рассказ о Юрове его – моим любимым! – стихотворением «Совесть»:

Жить желая достойно,
Говорим неспроста:

Если совесть спокойна,
Значит, совесть чиста.

Каждый совестью красен,
Постоянством её...
Что чиста – я согласен.
Что спокойна – враньё!

Не каприз, не геройство,
Не парадная роль,
Есть у совести свойство
В нас выращивать боль.

На планете, где войны,
Где кромешно от бед,
Если совесть спокойна,
Значит, совести нет.

Точно речка струится,
Или птица летит,
Или зреет пшеница,
Так и совесть болит.

Этой болью невольно
Рвётся с губ и с листа –
Если совести больно,
Значит, совесть чиста.

Вот так!

Вместо послесловия: к сожалению, Геннадий Евлампиевич всего неделю не дожил до своего 80-летия. А я собиралась ещё раз насмелиться и попросить у него новый автограф – на тринадцатом выпуске альманаха «Красная горка» 2012-го года – он достался мне от Людмилы Владимировны Глебовой (жаль, нет у меня одиннадцатого выпуска за 2010 год, в котором опубликован большой очерк Виктора Арнаутова о моём отце под названием «Поэт, вернувшийся с войны»). Увы, не случилось...

Александр Катков.

У меня есть всего один маленького – карманного – формата, но огромный по содержанию (и значению для меня) сборник Александра Ивановича. Дорожу им, так как в этом сборнике поэт Катков – ярчайший лирик. И название у сборника нежное – «Сирень», и оформлена обложка всем известной – притягательной, манящей, завораживающей репродукцией Михаила Врубеля с одноимённым со сборником названием. Внутри книжки – чудесные, мягкие, чувственные стихи о любви. Какое стихотворение ни возьми – то невольно наплывает улыбка, то к горлу подкатывает ком, то сердце начинает учащённо биться. Ну до чего же проникновенные стихи! И Александр Иванович, признанный трибун, великолепный чтец, и не только своих стихов! – здесь беззащитный, влюблённый, расслабленный, нежный и трогательный. Мне,

например, он открылся с неизвестной для меня стороны. Такой ранимый, с содранной кожей, человек!

Я больше помнила молодого поэта Каткова, которому от Небогатова «доставалось на орехи». Собственно, с разговора об этом – о непризнании поначалу поэтом Небогатовым своего молодого собрата по перу – и началось наше знакомство. Сблизило нас и смягчило тон разговора то, что оба мы – в разной степени, конечно, имели отношение к немецкому языку. Я окончила факультет иностранных языков, отделение немецкого языка со вторым – английским – языком в нашем тогда ещё не ставшем университетом Кемеровском педагогическом институте, и преподававшая оба языка в кемеровской школе № 40, и он – окончивший Лейпцигский (ГДР) университет и защитивший диплом на факультете германистики. В этом смысле мы сразу сделали с ним «родственными душами». Иногда, заходя в Дом литераторов, я шутливо произносила что-нибудь на языке, чтобы и он откликнулся. Правда, надо честно признать: хоть у меня в дипломе и стоят две оценки «отлично» по языкам, Александр Иванович гораздо более свободно и бегло (что как раз неудивительно!) до сих пор «шпрехает» по-немецки. Я, в отличие от него, понимать понимаю, а говорить уже не рискую – разговорный навык утрачен. Слишком долго была вне языковой среды. Ему в этом смысле легче: он несколько лет (много дольше, чем я) преподавал язык, и не растерял своих знаний и навыков.

Настоящим потрясением и открытием Александра Ивановича, как неординарной личности, стала для меня поездка (по его любезному приглашению) на чивилихинские чтения в Мариинск 27 июля 2013 года, ровно через неделю после гурьевских Первых небогатовских чтений, участником которых я была.

На обратном пути из Мариинска, немного утомлённые жарой, уставшие и разомлевшие участники чтений встрепенулись от громкого, я бы даже сказала – зычного – голоса Каткова. Он читал (наизусть?!) огромные куски из булгаковского «Мастера и Маргариты». Это был шок! Так много помнить?! Рассказывать так, как будто это только что вышло из-под твоего пера?! До сих пор вспоминаю это с дрожью и трепетом. Поражена его феноменальной памятью! Это – особый дар, и так не хотелось бы, чтобы он его растерял, расплескал... Есть у него слабинка (все знают и понимают, о чём я). А так хочется, чтобы поэт Катков ещё долгие годы радовал нас своими замечательными – новыми! – стихами. Недавно он отметил своё 65-летие. Я была, думаю, одной из первых, кто рано утром 27 июня поздравил его с этим событием... его же стихами, которые мне легли на душу. Примечательный факт: я читала строчки, а он – это было слышно в трубке – вторил мне. Значит, знает, помнит эти свои стихи наизусть! Я приведу здесь и это стихотворение, и то, что он написал мне на своём подарке – на «Сирени».

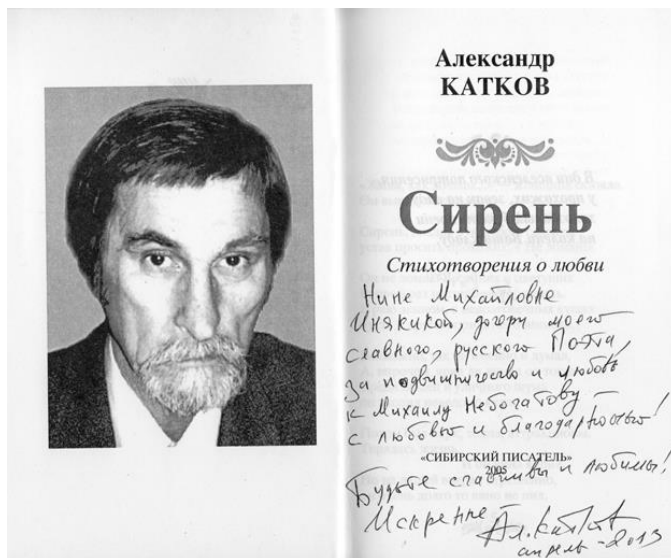
Дышать легко и жить не больно
за памятью, как за стеной.
Но вспоминаются невольно
июнь и голос озорной.

И ощущение нисходит
превыше разума и слов,
что всё ещё не на исходе
твоя последняя любовь.

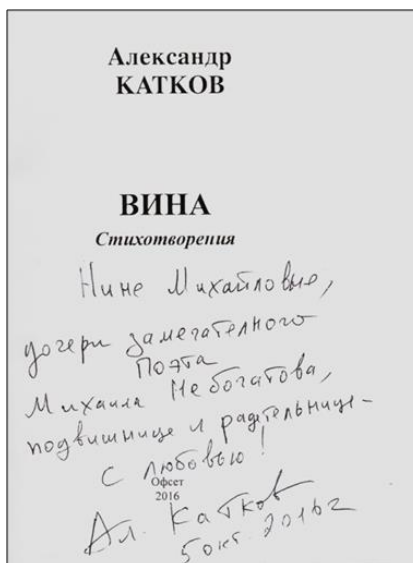
Не страшно звонких дней лишаться,
как будто ты ещё не жил.
И строки ясные ложатся
в дневник истерзанной души.

И вот тогда из слов светлейших
твоя слагается судьба,
где взгляд весёлый и небрежный
и кровь черешен на губах...

А вот и надпись на книжке «Сирень»:

В юбилейный для моего отца день – 5 октября 2016 года – Александр Иванович сделал мне бесценный подарок – вручил свою новую книжку под названием «Вина» и оставил в ней преприятную надпись: «Нине Михайловне, дочери замечательного поэта Михаила Небогатова, подвижнице и радетьельнице – с любовью! Ал. Катков».

И ещё одно воспоминание, связанное с Александром Ивановичем: именно он первым произнёс слово «подвижница» за моей спиной. И я это слышала от него неоднократно, бывая в Доме литераторов с очередной задумкой книги или какого-то другого материала об отце. И именно он сообщил мне о том, что книга моя об отце «стоит в плане издания Дома литераторов» на 2013 год. Так оно и случилось: до конца года 200 экземпляров книги формата А4 «Известный неизвестный Небогатов. От ученичества к творчеству. ФМЛ» вышло из типографии «Печатный двор Кузбасса». За что я безмерно благодарна и Борису Васильевичу, и Александру Ивановичу, и всем тем, от кого зависело – выйдет или не выйдет в свет книга в помощь молодым литераторам...

Дмитрий Клёстов.

Об этом человеке хочется говорить только в восторженных тонах. Объясню – почему. Готовя к изданию книгу о «Факультете молодого литератора», обратила внимание, что имя шахтёра Дмитрия Клёстова повторяется у отца не единожды. И всё написанное о нём и его стихах – хвалебное. Особо импонировало отцу, как я понимаю, что простой работяга, шахтёр – представитель труднейшей и опаснейшей профессии, пишет такие светлые, добрые стихи. Профессия, казалось бы, не очень располагает к лирике, в стихах должны были бы преимущественно звучать грохот и скрежет угледобывающих комбайнов, стук отбойных молотков и лязг шахтёрской клетки и вагонеток с углём. А вот надо же: мужик с сильными руками, весь чёрный от угольной пыли, а не груб, наоборот, даже нежен. А если и пишет о своём горняцком труде, вовсе не простым и не лёгком, то умеет опозитизировать его, показать истинным праздником. Причём делает это с такими деталями и подробностями, которые могли появиться только в стихах шахтёра, воспринимающего шахту, как родной дом (это я фактически процитировала Небогатова, говорившего о поэте). А если и делал Михаил Александрович какие-то небольшие замечания, то всё равно отмечал, что «стихи Дмитрия Клёстова оставляют впечатление свежести и оригинальности решения шахтёрской темы».

Одобрительно отзывался отец об учёте Клёстовым сделанных ему замечаний и о том, что тот работал над стихами, дорабатывал и перерабатывал их, добиваясь образности своих стихов.

С видимым удовольствием предлагал Небогатов вниманию любителей поэзии новые стихи, можно сказать, своего подопечного, отмечая стремление автора к своему видению мира, искренность его строк.

Радовался тому, что Дмитрий Клёстов «неспроста подумывает о первой своей книге – для этого у него есть все данные, о чём, кстати, свидетельствуют публикуемые стихи. Работает Дмитрий Клёстов серьёзно, продуманно, уверенно...». А если на что и обращал внимание Небогатов, так это на «некоторую небрежность в технике, в частности, в рифмовке». И тут же пояснял, что «...эти замечания – не придирка, они продиктованы желанием, чтобы его в целом добротные сделанные стихи были хорошими, отточенными и в мелочах, тогда эстетическое удовлетворение от чтения его стихов будет ещё более приятным». И далее отец говорит: «Если человек одарён, он из любого факта может сделать то, что именуется фактом художественным». И продолжает: «Не могу отказать себе в удовольствии – приведу ...небольшое стихотворение Дмитрия Клёстова под названием «Собака»:

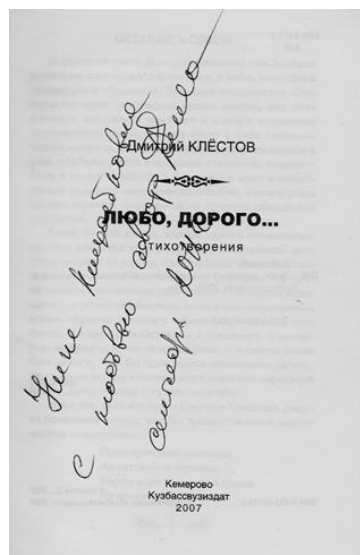
Сорок дней собака тосковала,
Воя на далёкую звезду.
Не спала, не трогала еду,
Никого к себе не подпускала.
Я давно в деревне этой не был,
А сегодня возложил венки.
И она взяла кусочек хлеба
И свернулась дружески у ног.
Я несколько не похож на брата,
Но собака ластится ко мне.
Верно чует, что её утрата
Тяжелее для меня вдвойне.

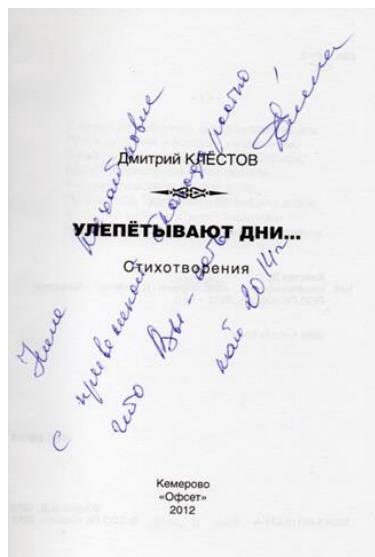
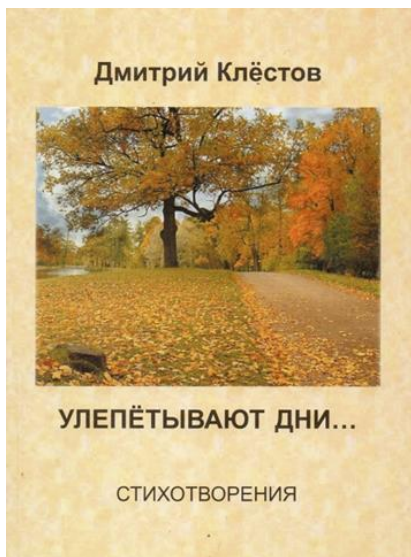
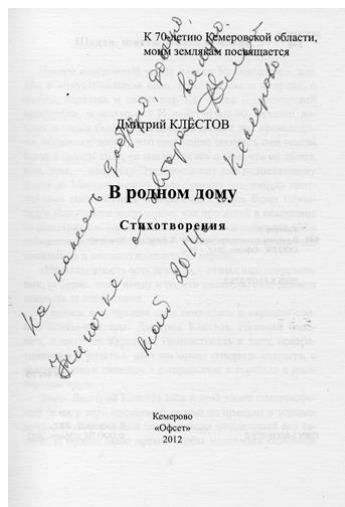
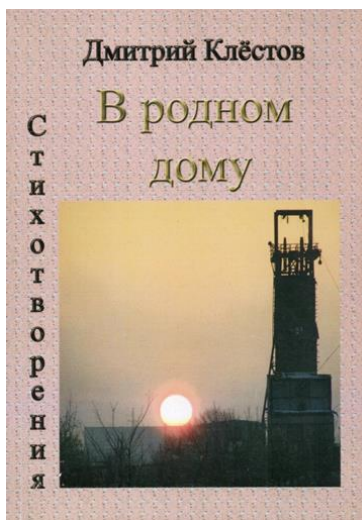
Заканчивает так: «Выше уже отмечалось, что при наличии таланта можно и коротко сказать о многом. В этой грустной лирической миниатюре о горе лирического героя – о смерти брата – поведано не в лоб, прямолинейно, а косвенно, через образ верного друга – собаки. И как точны все, на первый взгляд, простые, незамысловатые слова, какая уместная, по-мужски выраженная сдержанность в чувствах. А между тем от концовки стихотворения прямо сердце щемит. Такова сила воздействия настоящей поэзии».

Я в своё время, прочитав такую оценку творческих способностей начинающего, в общем-то, стихотворца, порадовалась и за него, и за отца, сумевшего так по-доброму выразить своё мнение. И, конечно, старалась не выпустить это имя из поля зрения. Какой же подарок преподнесла мне судьба! Как я уже упоминала, в сентябре 2011 года, незадолго до праздничных, юбилейных для Небогатова дней, мне довелось побывать на его малой родине, в Гурьевске. Поездка была волнительной. Ведь я снова ехала на родину отца спустя пять лет после последнего пребывания там (мы с моей семьёй ездили в июле 2006 года в Гурьевск, выполнив тем самым пожелание погибшей Светланы побывать в местах, где наш отец родился и рос). Поездка на этот раз была более плодотворной: мы побывали и в городском музее, и на старом кладбище, где я надеялась увидеть место захоронения своего деда – отца моего папы, Александра Алексеевича Небогатова, и в том самом переулке Свободы, у дома № 3, где родился и до 16 лет жил отец, и, разумеется, в библиотеке города, где всё было готово к отцовскому 90-летию: оформлена книжная выставка ко дню рождения поэта-земляка, намечались мероприятия с участием кемеровских писателей и поэтов, готовилось специальное заседание «Литературного салона», существующего при библиотеке. Но самым неожиданным и приятным было предложение побывать в гостях у отцовского «крестника» – поэта Дмитрия Петровича Клёстова. И ведь мы побывали у него! Издалека увидели приметный – голубой с белым деревянным кружевом (ручной – клёстовской! – работы) дом. Гостеприимные хозяева сразу понравились мне – открытые, простые, абсолютно на зажатые (как-никак, «высокие гости из самого столичного града Кемерово») супруги Людмила Ивановна и Дмитрий Петрович. За щедро накрытым столом непринуждённо потекла беседа о жизни, о поэзии, о том, что Дмитрий Петрович сожалеет, что так и не пришлось вживую, как говорится, пообщаться со своим наставником, который ответил Дмитрию, когда тот насмелился написать «самому Небогатову» ещё во время службы в армии. И ответ тот был обнадеживающим. Дмитрий Петрович так и сказал, что по существу Небогатов дал ему путёвку в большую Поэзию.

Вот тогда, в этот наш визит к местной знаменитости, мы и получили с Сергеем Спицыным, молодым журналистом газеты «Кузбасс», по книжке Дмитрия Клёстова в подарок и на добрую память. Это был небольшой сборник стихотворений «Любо, дорого...». Я была несказанно рада, что познакомилась с одним из «птенцов» небогатовского «гнезда» под названием «ФМЛ». Уже дома внимательно почитала стихи, и они мне очень понравились. Я бы сказала о них словами Александра Твардовского: «Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке».

Не надо и говорить, что знакомство с Дмитрием Петровичем оставило неизгладимое впечатление, и с того момента я всякий раз радовалась, когда нам вновь доводилось встретиться. И эти встречи не замедлили состояться. Виделись мы (и общались как родные) и в день присвоения библиотеке имени Небогатова – 19 октября 2012 года, встретились и на первых небогатовских чтениях в Гурьевске, которые проводились в День города и в День металлурга – 20 июля 2013 года, и в Кемерово – в Доме литераторов (уже неоднократно), и в областной научной библиотеке имени В. Фёдорова – 24 мая 2014 года, в день представления гурьевской библиотеки имени М. А. Небогатова на литературной карте Кузбасса в рамках проведения так называемой «Библиотечной панорамы», и в юбилейные для журнала «Огни Кузбасса» дни – 7 – 8 октября 2014 года, и в день торжественного открытия Года литературы в Кузбассе 28 февраля нынешнего года. Вот оттуда-то и появились в моей литературной копилке новые книжки уже знакомого поэта Дмитрия Клёстова. Кстати, была очень рада получить одну из книг, о которой очень тепло написал (читала в интернете) Сергей Донбай. Это я о книге «В родном доме». Сразу вспомнились отцовские одобрительные статьи, а интонации Сергея Лаврентьевича напомнили отцовские. И это было приятно. А теперь могу гордиться: есть у меня и эта книга с дарственной надписью моего любимого Дмитрия Петровича, и другая, о которой я только слышала – «Улепётывают дни...». И вот что хочется сказать: с годами мастерства, конечно, прибавилось, неизменными остались простота, задушевность и искренность стихов. И подумалось: как бы порадовался сейчас отец успехам своего младшего собрата по перу, как был бы удовлетворён, что не напрасно когда-то отнёсся к начинающему поэту с должным вниманием, и что не ошибся, высоко оценивая его литературный дар. Ну, что. Пора показать эти дорогие сердцу надписи?

Поделюсь ещё одной для меня радостью и заботой (надо же так синхронно, в унисон, думать?!): Дмитрий Петрович как-то мимоходом обронил фразу: «Хорошо бы издать книгу со стихами выходцев из «Факультета молодого литератора»... А я не так давно как раз и сама об этом думала. Это же предложение высказал мне как-то ещё один поэт – Владимир Спиридонович Ерёменко. Говорил это озабоченно, то и дело прося прощения, что я, как ему известно, и так очень загружена работой, и мне, конечно, в одиночку это не под силу – нужна какая-то деятельная помощь со стороны писателей, но выхода предложить никакого не мог. Так что предложение так и осталось пожеланием. А идея и в самом деле очень хорошая. Но, как говорится, «вопрос остаётся открытым»...

Вот если бы сами выходцы, сплотившись, смогли эту задумку осуществить – это было бы здорово. А то ведь и они, когда-то бывшие «молодыми», уже с сединой и сами годятся в «мэтры» и учителя для подрастающей смены, а кого-то уже нет среди нас. А время уходит...

Вместо послесловия: к 75-летнему юбилею Дмитрия Петровича я написала заметку о нём и его творчестве, а её взяли и напечатали в гурьевской газете «Знаменка» от 17.03.2017, на с. 8, да ещё портрет хороший приложили (адрес доступа: <http://znamenka-gur.ru/>). Вот это было неожиданно и приятно, я думаю, не только мне, но и юбиляру, и его землякам.

Виктор Арнаутов.

Виктор Степанович – особая глава в повести моей жизни. И об этом хочется рассказать. Знакомство наше началось с двух очерков Арнаутова о жизни и творчестве моего отца. Сначала, в 2007 году, в номере втором «Огней Кузбасса» я прочитала очерк к 45-летию Союза писателей Кузбасса, подготовленный прозаиком В. Арнаутовым на основе небогатовских дневников, затем – в номере 5-м за 2011 год – глобальный очерк жизни и творчества поэта Небогатова под говорящим названием «Поэт. Наставник. Хроникёр». Оба очерка меня заинтересовали. Порадовала скрупулёзность в отборе фактов, их компоновка, авторские вставки – отступления, в которых видна была позиция составителя этих хроник и читалось отношение к главному персонажу. Поразила честность и откровенность автора, когда он говорил, что поначалу фамилия Небогатов его даже раздражала – уж больно часто печатается на первой полосе со стихами-однодневками «по поводу»... А потом, со временем, поглубже вникнув в биографию поэта, «стоявшего у истоков писательской организации», узнав его получше, изменил своё к нему отношение, признал его явные заслуги в деле развития и становления литературы Кузбасса (это я своими словами передаю то, на что обратила внимание у Арнаутова). И в том, и в другом очерках я обнаружила, конечно, неточности – в датах, некоторых событиях. О чём потом лично (!) сказала Виктору Степановичу, остановив его однажды и представившись. Он, человек умный и деликатный, на меня не обиделся, согласился с моими замечаниями, признавшись, что ошибки эти невольные вкрались в тексты не совсем по его вине. Такими источниками пользовался. Ну, откуда было ему знать, например, что памятная доска на доме, где жил Небогатов, и которую ему довелось увидеть самому, уже не та, первая, которую открывали 16 апреля 1993 года, а чуть ли не третья (те, предыдущие – их было несколько – снимали вандалы и сдавали в металлолом, а какую-то банально разбили). Откуда мог он знать, что наша героиня-партизанка Вера Волошина не была Героем Советского Союза (это он взял из книги Светланы, которая, к сожалению, ошибалась). Вера Волошина стала Героем России лишь в 1994 году по Указу Бориса Ельцина № 894 от 6 мая «О присвоении звания Героя Российской Федерации Вере Даниловне Волошиной (посмертно)». Была неточность и совсем маленькая, заметная разве что мне одной: Виктор Степанович пишет: «Не стало Михаила Александровича Небогатова на семидесятом году жизни 21 марта 1990 года». А родившийся 5 октября 1921 года Небогатов в октябре 1989 года встретил свой только ещё 68-й год, так что получается, что умер он на 69-м году...

Конечно, мне хотелось узнать писателя и по его произведениям. Знала, что он увлекается рыбалкой и много и живо пишет об этом. Почитала его рассказы, публиковавшиеся на страницах «Огней Кузбасса». Понравился слог, и содержание рассказов мне показалось интересным. В них я увидела знатока своего дела. Это как раз тот случай, когда за строчками «проступил облик пишущего». А потом я была приятно удивлена: Виктор Степанович сам, на свои средства, подготовил и выпустил книгу очерков о жизни и творчестве кузбасских писателей, и начал эту книгу с очерка... о моём отце, с того самого – «Поэт, Наставник, Хроникёр». Текст немного другой, так как в журнале он был напечатан с редакторской правкой. И на мероприятии, которое было посвящено выпуску фотоальбома к 50-летию писательской организации 23 апреля 2013 года, я стала обладательницей этой уникальной книги Арнаутова. Он подарил мне её (было видно, что он готовился сделать подарок в расчёте на то, что я обязательно буду присутствовать в этот день в детской библиотеке, где и проходило представление фотоальбома) со своей дарственной надписью. Мне было чем его отблагодарить. Я тоже приготовила ему свою

книгу – «самоделку» – прообраз третьей книги трилогии «Известный неизвестный Небогатов» под названием «Доброта чувств», или Душа поэта. Эта моя книга на основе публикаций отца и об отце на страницах областной газеты «Кузбасс». Мы обменялись подарками к обоюдному удовольствию.

Книгу Арнаутова я буквально «проглотила» за день-два. Все очерки, отзывы и рецензии на книги и поэтов, и прозаиков мне показались самобытными. Повторов слов или выражений я не обнаружила. Портреты авторов вырисовывались чётко, позиция автора также была обозначена.

Особый трепет вызвало у меня эссе «В Родительский день». Меня поразило и восхитило одно очень важное качество человека по имени Виктор Арнаут: чувство дружбы и товарищества, умение негромко делать то, что делают (или должны делать) родственники в память об ушедших. Сколько любви, заботы, души и сердца, а самое главное – доброй памяти вложено в ставшее привычным посещение мест упокоения друзей и просто близких по духу людей. И о каждом сказано доброе слово. Тут невольно задумаешься: а всё ли ты (это я уже о себе) сделала для своих близких, часто ли бываешь на могилках мамы, мужа, отца, брата... Всё ли в порядке с совестью, или она всё-таки иногда беспокоит?

Самая важная веха в наших с Виктором Степановичем отношениях – это то, что именно он стал тем мосточком, который связал меня через десятилетия с моим братом по отцу Сашей Небогатовым. Только благодаря тому, что Виктор Степанович дал мне и домашний адрес, и номер телефона (это случилось в день представления 3-го номера «Огней Кузбасса» в Доме литераторов 20 сентября 2013 года), мы с Александром Михайловичем теперь на постоянной связи по интернету. Переписываемся в Одноклассниках и обмениваемся письмами по почте Мэйл Ру. Потому-то и стала возможной наша очная встреча (чуть не сказала «ставка») с братом 23 апреля 2014 года здесь, в Кемерово. Как бы мы нашли друг друга и восстановили утраченные родственные связи, не окажись рядом в нужный момент Виктора Степановича? Огромная ему за это благодарность!

Естественно, теперь отношения носят несколько иной характер, чем прежде. Если раньше я просто читала рассказы и путевые заметки автора по фамилии Арнаут, то теперь я вижу за ними живого человека, хорошего прозаика, настоящего друга.

Мне уже приходилось (и не раз) говорить Виктору Степановичу «спасибо» за его мастерские заметки путешественника. Где он только не побывал! Пишет об этих своих зарубежных поездках так, что видишь его глазами и страну, и её достопримечательности, и природу, и традиции, и народ. Ощущение такое, что он – завзятый экскурсовод, гид, проводник. Так глубоко узнаёт страну и её обычаи, так живо описывает историю чужеземного государства, что не надо никаких энциклопедий и справочников. Попадаешь внутрь, как бы проходя сквозь стену. И становишься очевидцем и участником путешествия. Немногим, скажу я вам, дан такой дар – вести за собой читателя, как ниточку за иголочкой...

Одну из этих путевых записных книжек получила в дар от Виктора Степановича, и счастлива этим обстоятельством.

Восхитилась мастерской работой – не такой уж лёгкой, как может кому-то показаться – составлением Указателя содержания журнала «Огни Кузбасса» за огромный промежуток времени – с 2000 по 2013 годы. Не знаю, сколько часов и дней потратил составитель на этот титанический труд, но, видимо, немало. Могу представить, насколько это трудно – свести воедино столько имён, названий, рубрик... Мне, которая занимается в основном одним делом – небогатововедением – и то было нелегко составить полную библиографию небогатовских произведений. Ушло много сил и времени на эту работу.

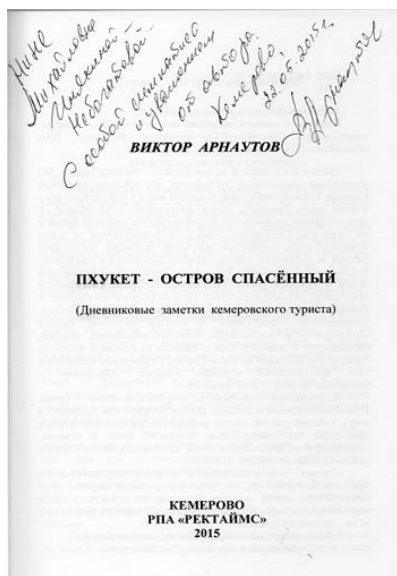
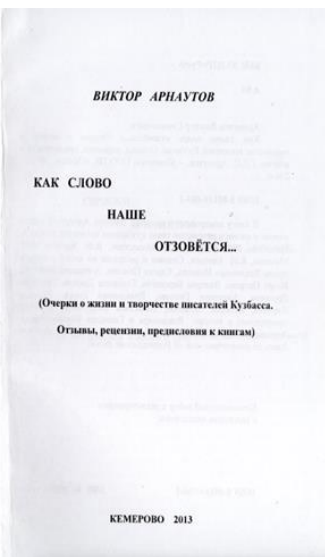
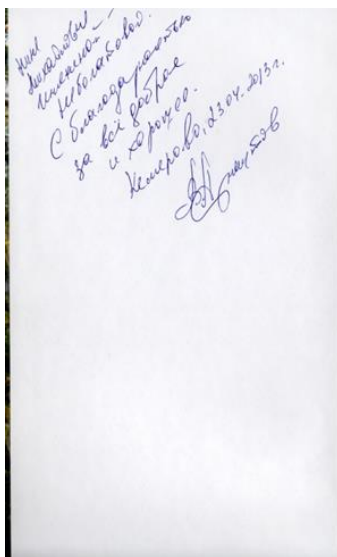
Моя бы воля, я бы Виктора Степановича представила к награждению медалью «За вклад в развитие Кузбасса» I степени. Заслужил!

Ещё одна грань нашего сотрудничества – ни на секунду не задержался с ответом Виктор Арнаут, когда я предложила ему стать редактором подготовленной мною книги об отце «ТАКОЙ, КАК ЕСТЬ...». Он, как опытный фехтовальщик, мгновенно нанёс мне «укол» – свой ответ-согласие. С маленькой оговоркой: редактировать тут нечего, а вот заключение-рекомендацию на книгу и её издание готов был написать. Тут уж согласилась я. И, думаю, понятно, почему я обратилась с этой своей просьбой к нему, а не к кому-либо другому. Его очерки о Небогатове говорят сами за себя.

Заключение-рекомендацию я получила, за что Виктору Степановичу моя огромная благодарность. Дело за немногим – издать книгу и сделать её достоянием читающей публики.

Не потому ли я, осмелев, показала ему ещё одно своё творение – автобиографическую повесть «Давай с тобой поговорим...». На печать не рассчитывала. Подготовила её, скорее, для родных и близких. А Виктор Степанович практически сразу после получения повести для ознакомления одобрительно отозвался о ней и сказал, что её надо печатать. И ещё один штрих: будь я, говорит, женщиной, я бы пару раз всплакнул – так растрогался. Женщинам, видимо, это будет интересно читать. Ведь в повести – живая жизнь со всеми её радостями и горестями. Ну, что ж. Приятно получить такую оценку от профессионального писателя...

Вот и автографы Виктора Степановича:

Сергей Донбай.

С именем этого поэта знакома с тех давних лет, когда «Факультет молодого литератора» «поднимал тиражи «Комсомольца», будучи очень популярным среди молодёжи. Это теперь он – Сергей Лаврентьевич, маститый поэт, строгий и придирчивый главный редактор журнала, получившего не без его в этом деятельного участия статус общероссийского. А начинал он, молодой архитектор, сын архитектора в пору своей юности. Уже тогда наметилась, как и у другого кемеровчанина, Геннадия Юрова, одна излюбленная тема – Кемерово. У Юрова – Красная горка, у Донбая –

Соцгород. И писал он об этом так, что любой пацан или девчонка могли бы выдохнуть: это о нас, о нашей жизни, о наших мечтах, о наших подвигах, о нашей первой любви, о нашей дружбе.

В поэзии Сергея Донбая смешалось много тем и жанров. «Он может всё!» – можно сказать о нём словами знаменитого тренера по фигурному катанию Татьяны Анатольевны Тарасовой. Вы найдёте у него и нежную любовную лирику, и зарисовки с натуры, и путевые заметки, и строгие, патриотичные стихи о Родине, и строки в защиту русского языка, и ироничные стихи, и стихи для детей и о детях, и духовные, возвышенные стихи – я уже сбилась... Словом, возьмите в руки любой томик его стихов, и сами всё увидите.

Наше знакомство – недоверчивое, натянутое, осторожное – началось с того, что Людмила Чех, которую я уже упоминала (да её помнят все бывшие питомцы «Притомья»), начала меня приводить буквально за руку в Дом литераторов на КАЖДОЕ представление очередного номера «Огней Кузбасса» (хотя дорогу в Союз писателей я хорошо знала и без неё). Если так можно выразиться, стала «вводить меня в писательскую среду». Она и в обкоме комсомола проявила ко мне интерес потому, что знала, что я – дочь того Михаила Александровича Небогатова, который много и со всей отдачей занимается с подрастающей сменой литераторов, и ей чаще, чем мне, доводилось видаться и общаться с ним. К тому же, только-только становилось на ноги литературное объединение «Притомье» при газете «Кузбасс» и обкоме комсомола. Хорошо знала Людмила и о «Факультете молодого литератора», куда иногда «организовывала» отправку на суд Небогатова очередной порции поэтической продукции молодых, начинающих (это по её словам). Захотелось познакомиться поближе. Знакомство не разочаровало её, и мы на долгие тридцать с лишним лет стали подругами. Тогда, в обкоме, мы вдвоём организовывали и проводили поэтические вечера, причём делали это красиво и романтично: при свечах, при приглушённой музыке, с показом слайдов...

Так вот, однажды, помню, Людмила, выступая перед собравшимися в Доме литераторов с каким-то своим материалом, который печатала ей я (набирала на компьютере текст, распечатывала на принтере, «сбрасывала» на диск), вдруг, без всякого перехода, огорошила присутствующих (а меня так больше всех! – я её об этом не просила) претензией к... главному редактору журнала Сергею Донбаю: «Почему это Вы, Сергей Лаврентьевич, не печатаете мою подругу (не буду называть фамилию), дочь поэта Небогатова (!?) Она пишет очень даже неплохие стихи. Обратите внимание – когда она сдала Вам подборку? А сегодня – какое число (месяц, год)?!..» И что-то ещё в таком же духе. Помню растерянность на лице Сергея Лаврентьевича и его сбивчивые оправдания, что, мол, мы же не всех и не сразу печатаем, надо же какое-то время, чтобы разобраться, оценить, а уж потом принимать решение о публикации или об отказе... Мне неловко до сих пор при одном только воспоминании о том случае.

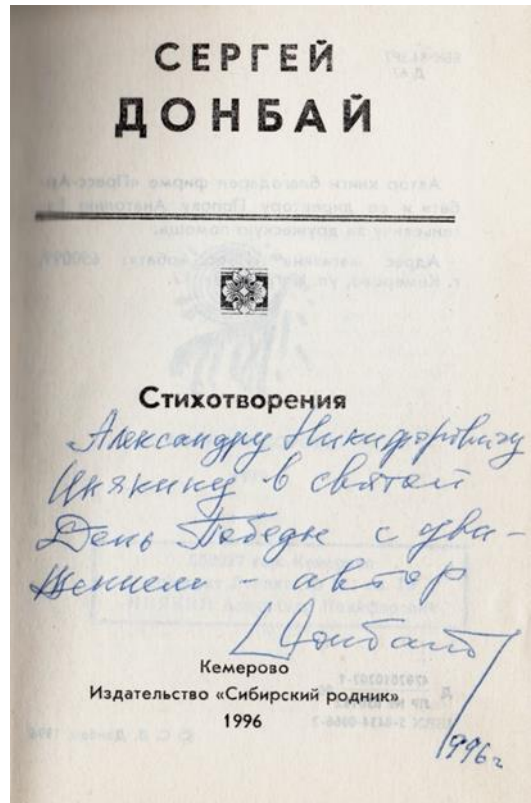
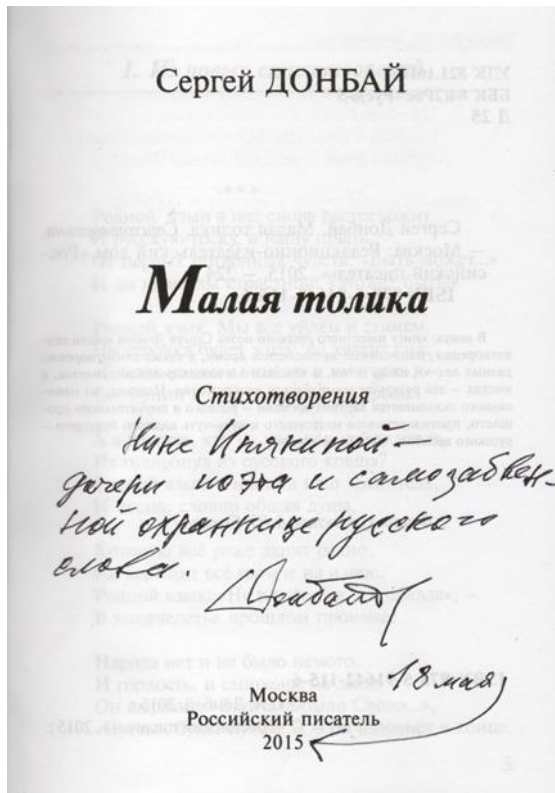
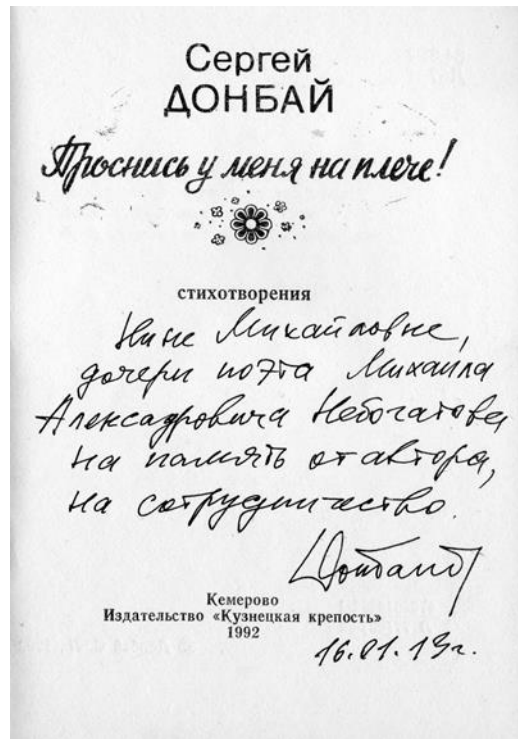
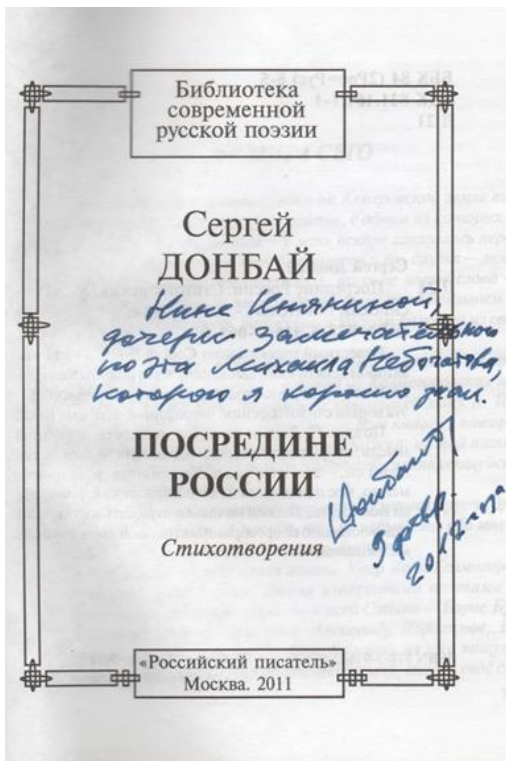
К вопросу о публикации моих виршей мы больше не возвращались. Я-то знаю, что писала не стихи, а всего лишь рифмованные мысли, так что обижаться на Донбая не было и нет никакого резона.

Три года назад Людмилы не стало, а мои визиты в Дом литераторов не прекращаются и по сей день. И в публикации материалов о жизни и творчестве Небогатова Сергей Лаврентьевич не отказывает. Однажды я, как мне кажется, приятно удивила его, принеся из дома его книжечку из той памятной (1992 – 1993 года) серии, в которой вышли книжки если не всех, то многих поэтов – «Проснись у меня на плече!» с просьбой написать мне что-нибудь на память. Увидев его лицо (откуда, мол, у Вас, эта книжка?), я сказала: Вы знаете, а я ведь не только Небогатова читаю...

И Сергей Лаврентьевич сделал надпись, для меня многообещающую, поворотную. Из этих нескольких слов и произрос росток нашего сегодняшнего творческого содружества, а ледок недоверия как-то незаметно растаял. Очень рада этому обстоятельству. А результат таков: 2012 год, № 2 – публикация воспоминаний вдовы Небогатова Марии Ивановны о его детстве и юности «Как научиться жить?» (на основе рукописи, обнаруженной в архиве в 2007 году); 2014 год, № 4 – «Письма Виктора Баянова к Михаилу Небогатову» (о дружбе и творчестве двух поэтов); 2015 год, № 2 – «Стихи военных лет». Мало? Думаю, что достаточно. И надеюсь, что эти публикации – не последние. Ведь впереди юбилейный для М. Небогатова год – год его 95-летия. И ему, уж поверьте мне, ещё есть что сказать землякам! Очень надеюсь, что мы с Сергеем Лаврентьевичем ещё встретимся на творческой тропе!

Когда готовилась писать эти заметки, обнаружила, что книжек Донбая с автографами у меня больше, чем других авторов. Есть у меня, помимо уже названной, книжки (прочитанные, и ещё читаемые!): «Посредине России», вышедшая в Москве в издательстве «Российский писатель» в 2011 году; совсем недавно вышедшая, и тоже в Москве, «Малая толика» 2015 года (на представлении этого сборника я была среди других почитателей таланта поэта). А одна книжка – особая: подарена в святой День Победы в 1996 году... Инякину Александру Никифоровичу, моему покойному мужу! В книжечку с сердечной надписью вложена ещё и визитная карточка с георгиевской ленточкой. Сергей Лаврентьевич может не помнить обстоятельства, при которых эта его книга, названная просто – «Стихотворения» и выпущенная в свет издательством «Сибирский родник», попала к читателю-фронтовику, самодеятельному поэту. А я помню рассказ мужа об этом: он зашёл накануне Дня победы в Союз писателей. Хотел показать свои стихи и узнать мнение кого-нибудь из поэтов-профессионалов. На месте был как раз Сергей Донбай. Александр Никифорович приятно побеседовал, над некоторыми его строчками они даже вместе посмеялись (что-то там про курорт, про лечение нарзаном), а в целом мнение было таково: стихи неплохие, но, увы, не для печати – слабоваты, до необходимого уровня не достают. А так – для родных и близких, для друзей – вполне подходящие. Муж рассказывал, что ни в коей мере не обиделся, наоборот, услышал замечания именно в тех местах стихов, где они и ему самому казались несовершенными. Ушёл из Союза писателей удовлетворённый разговором, да ещё и одаренный книжкой своего молодого «учителя» и «наставника» (так он выразился по адресу Донбая). Приметная деталь: в разговоре главной темой была не только поэзия. Оба нашли общий язык ещё и по части архитектуры и проектирования, художественного изобразительного творчества и графики. Донбай по специальности архитектор, а муж – художник. А работал, по большей части, в проектно-конструкторских бюро. Так что наговорились, видимо, от души. Вот такая история...

Настал момент показать автографы и несколько наиболее симпатичных мне стихотворений. Вы готовы? Знакомьтесь:

В заключение – несколько стихотворений:

Проснись у меня на плече!
Хотя бы приснись, что проснулась!
Во сне, возвращающем в юность,
Мы будем ничья и ничей...
Проснись у меня на плече
В автобусе в Сигулду снова!
Должна же быть магия слова –
Проснись у меня на плече!
Проснись у меня на плече –
Кудряво, светло и уютно
И просто как доброе утро
Проснись у меня на плече!
И даже за нашим пределом,
Где только осенняя высь,
На склоне моём опустелом
Кукушкиной слёзкой проснись.

УТРЕННИЙ СНЕГОПАД

Тихий-тихий, удивительный
Этим утром снегопад.
Непроснувшихся родителей
Малыши ведут в детсад.
Всё как будто нарисовано.
Ты и сам шагнул в эту д.
Тонны снега невесомого
Рядом в воздухе живут.
За домами белобровыми
Звуки спрятались совсем.
Тишина лежит сугробами,
Как верблюды возле стен.
Понимаю: звук не видно ведь...
Снегопад – не услышать...
Только страшно слово вымолвить,
Чтоб себя не испугать.

Я ещё не сказал – обернулась ты сразу!
Нам с тобою понятны не только слова,
Мы по-своему можем заканчивать фразу –
Замолчать... посмотреть... улыбнуться едва.
Потому что, о чём бы мы ни говорили,
Как ни выстрой слова, всё одно к одному,
Мы не слышим, и мы их значенья забыли,
А зачем? – всё равно я тебя обниму!
Мы давно оставаться одни научились
У весенних скворцов, у объятий вьюнка...

*Литературно-художественное
Издание*

Нина Инякина.
Автографы, автографы...